

Ключевой год XX века — карнавалльно-революционный 1968-й. Спустя полвека это начинают признавать все, подводить итоги, дивиться длительности влияния на всю последующую историю да умонастроения. Одной из важнейших идей, тогда застолблённых в коллективное сознание, стала Смерть Автора. Французские философы-структуралисты дружно забили большой осиновый кол. Но и ранее существовали активные практики ускользания автора от читателя-зрителя, всегда было искусство поиграть с ним в маски.

Принято считать, что псевдоним — это псевдо-имя, ненастоящее, придуманное. Верна лишь последняя характеристика: придуманное. Но ведь все имена в принципе таковы, так что это несущественный признак, ничего не говорящий. А по поводу остальных надо ещё поглядеть. Например, родители назвали человека Вадимом. Став журналистом, он всегда подписывается Иннокентием. Где тут настоящее имя? Боевой быстрый Вадим (как в паспорте) или мягкий протяжный Иннокентий (каким себя ощущает по характеру сам человек). Скорее, псевдо-имя — Вадим, совершенно не соответствующее своему носителю.

Причин появления потребности в замене имени — три. Недовольство несоответствующим именем, уверенность-неуверенность в собственных силах, игра. С недовольством примеры приведены. Осталось уточнить, что соответствующее имя не у всех сразу находится. Некоторые

долго перебирают варианты, иногда похожие (но ищется поточнее), иногда — пробуя наудачу совсем разные в надежде набрести на искомое. Бывает, что имя скрывают из-за неуверенности в себе, боятся неудачи и на всякий случай подстраховываются. С такими всё понятно. Хотя иногда в случае успеха новое имя закрепляется за носителем. Другие, наоборот, настолько уверены в реакции на свои творения, что для чистоты эксперимента очищают свои новые начинания от шлейфа возможных ассоциаций, выступают как некто иной. Так любимец публики, властитель умов Борис Акунин становится Анной Борисовой, а Ромен Гари — Эмилом Ажаром.

Меняется часто не только имя, но и стиль, стол, пол. Чтобы читающий воспринимал «с чистого листа», как произведение неизвестного ему автора, с которым ещё не связаны никакие эмоции. Восприятие при этом более адекватное, хотя в случае просачивания информации про псевдонимность возникает у читателей и полудетективная интрига, желание разгадать, кто на самом деле скрывается за пологом тайны. Очень часто смена имени происходит в процессе игры разного порядка. Так, один автор в разных проектах существует под разной личной (что внешне, но не типологически близко вышеописанным случаям). Особенно популярны игровые модели у так называемых «серьёзных авторов», которые решают пошутить, порезвиться, похулиганить. Заняться высмеиванием-пародированием чего-то, в том числе (высший пилотаж иронии!) самих себя в привычном качестве. Фору всем даст уважаемый религиозный философ Владимир Соловьёв, под своим либо чужим именем (типа князь Эспер Гелиотропов) издевающийся над самым святым, иногда посылая друзьям-редакторам лирические стихи-откровения с приложением точной автопародии: «Вы свидетель, что я первый бросил в себя камень».

В цирковой либо авангардной среде игровые псевдонимы — дело не маргиналий, а основного русла работы, здесь принято именем задавать соответствующий эксцентричный тон. Посев идей, образов, новых смыслов проходит под этим знаком. Читатель-зритель сразу включается в игру, начиная с обложки-афишки. В случае успешности представления псевдонимная область может расширяться, так обозреватели — а за ними и публика — превратили вполне реальную яркую фамилию Бурлюк в обозначение всех тогдашних футуристов: «эти бурлюки» (где имелись в виду не только братья-сёстры однофамильцы, но и Каменский, Маяковский, Шершеневич, прочие).

Псевдонимы существуют столько же, сколько и сам институт имён. Когда есть некая маркировка, появляются её заменители или имитация. Иногда они существуют параллельно, явно не соприкасаясь. Как ортодоксальный поп-математик Чарлз Латуйдж Доджсон с абсурднейшим поэтом-сказочником Льюисом Кэрроллом. Всем памятен анекдот про то, как королева попросила принести все иные сочинения автора поразившей её «Алисы в Стране Чудес» и была оконфужена стопкой нуднейших трактатов. Что не вполне логично. Ведь Доджсон и Кэрролл — разные не только авторы, но и люди. Хотя и сосуществующие в одной материальной телесной оболочке. Иногда одно (более позднее) имя у человека вытесняет другое (урождённое). В том числе и в бытовой реальности. Николай Корнейчуков в итоге вписал в паспорт Корнея Чуковского, на могильной плите Давида Кауфмана указывается сменивший его Дзига Вертов, а Аркадий Голиков всем своим потомкам подарил пришедшую из литературного мира фамилию Гайдар.

Количество примеряемых на себя псевдо-имён никак не лимитировано. У старательного доктора Антона Чехова, например, официальные исследователи зафиксировали свыше полсотни (а сколько ещё неизвестно). Хотя остался в истории он в итоге под урождённым. Бывают устойчивые псевдонимы. Некоторые даже вырастают до размеров маски — придуманного существа со своим характером, биографией, внешностью. Классический пример — Козьма Прутков. Неклассический — Иржи Котишка.

Маска может быть результатом деятельности нескольких человек, иногда незнакомых друг с другом, даже очень сильно разделённых по времени-пространству. За того же Прут-

кова до сих пор сочиняют всё новые слова-идеи, хотя лучшими так и остались канонические. Есть случаи настолько запутанные, что не утихают споры даже об их классификации. Всем известный барон Мюнхгаузен рассматривается и как персонаж чужих произведений, и как автор своих собственных, и как коллективная маска, под которой пишут в разных странах уже не один век самые противоположные авторы. Взаимоотношения автора-маски-персонажа каждым толкователем (либо просто читателем-зрителем) решается по-своему, акцент делается на чём-то одном.

Отдельного разговора заслуживает анонимность, ноавторство, ничевочество в искусстве. Причины появления те же, что и с псевдонимами. Хотя мотив недовольства именем играет здесь последнюю роль, а на первую выходит (не)уверенность. Но так стало сравнительно недавно. До XVIII века вообще не существовало никаких авторских прав, плагиата, профессиональных писателей. Были, правда, получающие зарплату за то, что слагали гимны в честь приютившего их вельможи либо самодержца. Придворные поэты, так сказать. Но, поскольку при соседнем дворе за те же вирши не платили, то и настаивать на авторстве неких текстов в иных местах не имело смысла. С резким удешевлением книгопечатания и принятием авторских законов появились профессионалы. Целая улица в Лондоне (точнее – квартал) была заселена такими писателями. Придя на Граб-стрит, любой мог заказать от своего имени написать обличительный памфлет, любовное послание, научный трактат либо философские пассажи. Анонимные перья тут же принимались строчить. Заказчик выпускал текст либо тоже анонимно, либо под псевдонимом, либо под своим именем. В этом не было ничего унижительного для пишущих. Они мастерски производили и поставляли человеку присваиваемый им нужный продукт, точно так же, как пекари и портные. Парадоксальным образом данный опыт воскрес, например, в практике обэриута Николая Олейникова, который одни и те же тексты прилюдно посвящал разным лицам, торжественно сменив адресата любовного послания.

Вслед за поэтами-пекарями эпох Классицизма и Просвещения шумной толпой ворвались романтики с их культом творчества, личности, уникальности. Каждый человек объявлялся по сути неповторимым, творящим новые миры только ему подвластными средствами. Подобие стало дурным тоном, не говоря о прямом заимствовании, воспроизведении (что на Востоке до сих пор – признак мастерства). При таком культе автора-демиурга анонимность становится почти маркировкой маргинальности. Когда автор сознательно избегал встречи с читателем лицом к лицу. Начинающие слуги Парнаса хотели увериться в значимости того, что они натворили. Опытные интриганы не хотели неприятностей от объекта своих безымянных нападок. Толковые маркетологи таинственно заигрывали с общественным любопытством.

Существует, кроме личной анонимности, ещё и групповая. Это пограничное явление смыкается с псевдонимностью, поскольку конкретные авторы, сохраняя своё инкогнито, выступают не от конкретного имени, а от группы, подписывая творения общим ником: ДАДА, Мухомор, НОЖ, ОДЕКАЛ, Ситуационистский Интернационал, т.п. Визуальным эквивалентом выглядит выходящий на сцену отряд молодых людей в одинаковых костюмах, причёсках, эмблематике. Конструктивисты ЛитЦентра в белых свитерах с чёрным квадратом. Ничевоки в детских слюнявчиках и клоунских штанах. Футуристы с цилиндрами и разрисованными щеками. Униформа подчёркивала единость разности, объединяла многие личности в одну идентичность.

Полную анонимность, отчуждённость от автора объявляли в разные годы отдельные радикальные группировки: ЗАИБИ (За Анонимное И Бесплатное Искусство), ОБМОХУ (Общество МОлодых ХУдожников), РОСТАН (РОссийское СТАновище Ничевоков), др. Но, по сути, на заявленной позиции продержались они недолго, почти сразу выступая от лица конкретных Бонифация, Рюрика Рока, братьев Стенберг, т.д. Самая последовательная и длительная практика у пермской группы «ноавторов из Ърла». В основе их идей коллаж метафизических прозрений читаемых Андреева-Гурджиева-Жарикова, играемого ими панк-рока да психодэла, литературных да художественных акций родной им арт-коммуны Опыты ДЕтективирующих

КАЛЬмаров. Ноавторство поддерживается почти всеми участниками арт-коммуны, но вышеуказанная группа (троица в основе) наиболее упряма в своих экспериментах. Вместо подписи ставят чёрную палочку, сжигают законченные рукописи и картины, безвозвратно дарят романы первым подошедшим сразу после прочтения на литературном вечере, готовые в одном экземпляре раритетные книжки «отправляют в Ырл», то есть бросают в колодцы, люки, реки.

Искусство ускользает не только от своих создателей, но и от потенциальных воспринимающих. Кто знает, где оно теперь? На что в мировой системе повлияло, что изменило в логике миропорядка, в последовательности причинно-следственных связей? Но что-то в любом случае произошло, пусть мы и не знаем про это. Не призываю никого следовать примеру чернопалочников, но такие исследования на краю рационального рано или поздно должны были проявить себя. Не зря же ещё в 1968 торжественно провозглашена Смерть Автора.